

Ей ничего не остается, какъ сѣсть въ экипажъ, и она въ него садится. Въ это время слуга совсѣмъ невинно спрашиваетъ.

— Вы вернетесь къ обѣду, сударыня?

Въ одну секунду предательская краска заливаетъ ей лицо. Ужъ не подозрѣваетъ ли онъ ее? Ужъ не съ намѣреніемъ ли задалъ онъ этотъ вопросъ?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она едва слышно.

И вотъ экипажъ отъѣзжаетъ. Жребій брошенъ! Ничто не остановило ее. До самой послѣдней минуты она надѣялась, что ее задержать. Но, нѣтъ, увъ! никакой помѣхи не произошло. Никому нѣтъ до нея дѣла, ни Богу, ни людямъ!

Какъ скоро онъ ѣдетъ! Она приказываетъ ему ѣхать тише; и затѣмъ, повинаясь новому и противорѣчивому желанію поскорѣй покончить со всѣмъ этимъ, приказываетъ ѣхать скорѣе. И снова мысли безчисленныя, какъ песчинки, быстрыя, какъ молнія, проносятся у нея въ мозгу. Въ ухахъ внезапно звенить фраза изъ «Sartor Resartus», Карлейля, позабытаго въ гостиницѣ кѣмъ-то изъ путешественниковъ и случайно попавшагося вчера подъ руку. «Любите не удовольствіе; любите Бога — вотъ любовь, не знающая конца». Зачѣмъ эта фраза преслѣдуетъ ее именно теперь. Какъ онъ скоро ѣдетъ! Ужъ видна станція вдали. Такъ же скоро везли ее и въ церковь въ то утро, когда была ея свадьба. Съ какой страшной отчетливостью припоминаются ей всѣ подробности того часа. Она сидѣла въ тупомъ и нѣмомъ отчаяніи, а Сара рыдала, убѣждая ее, что еще не поздно! Сара была права, и теперь еще не поздно. О! зачѣмъ нѣтъ съ ней теперь Сары?

По мѣрѣ того, какъ экипажъ приближался къ цѣли ея назначенія, агонія ея возрастаетъ. Холодный потъ выступаетъ на лбу. *Еще не поздно!* Это написано огненными буквами на холмахъ, мимо которыхъ она проѣзжаетъ, на голубой поверхности озера и на синемъ сводѣ неба. *Еще не поздно!* Какъ ясно читаетъ она эти слова! Въ нихъ есть что-то повелительное! *Еще не поздно!* Неужели она осмѣлится не повиноваться имъ.

— Стой! — кричитъ она внѣ себя.

Но волненіе ея такъ сильно, а въ горлѣ такъ пересохло, что слова не вылетаютъ изъ него. Лошадь продолжаетъ быстро бѣжать.

— Стой! — повторяетъ она и снова голосъ ей не повинуется и лошадь бѣжитъ дальше.

— Стой! — пересиливаетъ она, наконецъ, свое волненіе и на этотъ разъ кучеръ услышалъ ее и останавливается.